

Позже Ли Чжи и сам однажды застал Цзян Яня за курением. Это было в девятом классе, после вечерних занятий. Его забрал домой водитель, а настроение было отвратительным — всё из-за учителя физики, который на уроке упомянул Цзян Яня. В тот день как раз раздали результаты контрольной, Ли Чжи занял первое место в классе. Учитель похвалил его, а потом принялся вспоминать своих прежних учеников, среди которых был и Цзян Янь. Сказал, что это один из самых способных учеников, которых ему доводилось учить, что тому всё давалось легко, почти без усилий.

Учителя вспоминали Цзян Яня не в первый раз. Каждый, кто его учил, его помнил. Говорили о нём всегда с гордостью, расхваливали ум и талант, невольно принижая при этом старания всех остальных.

Стояла уже зима, на улице было холодно, в подземном гараже — чуть теплее. Ли Чжи спустился вниз и, повернув за угол лестницы, увидел Цзян Яня. Тот сидел на ступеньках, опустив голову. Сделал затяжку — и кончик сигареты ярко вспыхнул в полумраке.

Цзян Янь поднял взгляд.

У Ли Чжи был скверный вид. Он протянул руку: «Дай одну».

— Что такое? Настроение плохое?

Ли Чжи промолчал, лишь пристально, не отрываясь, смотрел на сигарету в его руке, словно пытался прожечь в ней взглядом дыру.

Цзян Янь слегка приподнял бровь, с полуусмешкой спросил: «Сколько тебе, Ли Чжи, лет-то?» И добавил: «Мал ещё дурному учиться».

Ли Чжи, не говоря ни слова, прошёл мимо него и начал подниматься по лестнице. Не успел сделать и двух шагов, как Цзян Янь окликнул его: «Ли Чжи». Он остановился, обернулся.

— Лови. — Цзян Янь полез в карман и, не оборачиваясь, бросил ему какую-то вещь.

Ли Чжи поймал. Это была зажигалка, тяжёлая, металлическая, не успевшая нагреться даже за время, пока в кармане лежала пачка сигарет. Выйдя из гаража, он взмахнул рукой и швырнул зажигалку в цветочную клумбу.

Позже они уже могли сидеть и курить в гараже вместе, хотя разговоров между ними по-прежнему почти не водилось. Та досада и робость понемногу растаяли, и Ли Чжи в присутствии Цзян Яня чувствовал себя уже не так скованно, хотя до полной лёгкости было далеко. Для Ли Чжи и Дай Юэжань Цзян Янь навсегда оставался чужим. И, вероятно, для него они были такими же.

Музыкальный звонок вырвал Ли Чжи из раздумий — это зазвонил телефон Цзян Яня. Тот не стал уходить, ответил прямо при нём.

— Мама, — голос у Цзян Яня был ровным, без особой теплоты, но и без холодности. — Да. Всё нормально. Пока не планирую. Знаю. Хорошо.

Он несколько раз делал паузы, молча слушая собеседницу, и в конце сказал: «Ладно, вы там берегите себя».

Разговор закончился, сигарета в руке Цзян Яня тоже догорала. «А у тебя девушка есть?» —

вдруг спросил он.

— Нет. А что?

Цзян Янь нахмурился: «Мама с женитьбой достаёт. Надоело».

— Серьёзно? — Ли Чжи не сдержал лёгкого смешка. — Да не может быть.

— Тебе бы не смеяться, — Цзян Янь притушил окурок о подоконник и бросил его. — Ты следующий по списку. — С этими словами он ушёл в свою комнату.

Ли Чжи никогда не видел, чтобы Цзян Янь чем-то искренне озадачивался или тревожился, — сейчас было впервые. Он мало что знал о Цзян Яне: не видел его мать, не знал, есть ли у него девушка. Из слов Дай Мэнтин он слышал, что тот окончил университет права и теперь работал в каком-то учреждении в соседнем городе. Ли Чжи не сомневался, что с такими данными у Цзян Яня не могло быть проблем с девушками, скорее, они сами вешались ему на шею. По возрасту же он был ещё совсем молод, и Ли Чжи искренне считал, что беспокоиться о браке ему рановато.

Вскоре после завтрака пришли тётя с Дай Юэжань. Ли Чжи открыл им дверь. Они болтали в гостиной. Дай Мэнтин сидела на диване в персиковом шёлковом платье в пол, на тёмно-красных ногтях поблёскивали стразы. Лет сорока с лишним, а наряжалась как юная девушка. Говорила она мягким, мелодичным голосом, Дай Юэжань её и тётю веселила, и все три пребывали в прекрасном расположении духа.

Дай Мэнтин расспрашивала Дай Юэжань об учёбе, потом поинтересовалась, не завела ли та роман.

Дай Юэжань сделала кокетливо-смущённое лицо: «Нет-нет, я сейчас даже не думаю о таких вещах».

«Врёшь», — мысленно усмехнулся Ли Чжи.

— Если уж встречаться, то с кем-нибудь поближе, — сказала тётя. — Тинчжоу так далеко, как тут не беспокоиться.

Дай Мэнтин с неодобрением покачала головой: «Ой, да что ты, дети уже большие, сами разберутся. Не вмешивайся».

Дай Мэнтин позвала и Ли Чжи присоединиться к их беседе, но, как говорится, три женщины — это уже спектакль, а ему участвовать в нём не хотелось. Делать было нечего, и он решил вернуться в свою комнату.

— А ты, Сяочжи, девушку нашёл? — спросила его тётя.

— ... Нет.

Дай Мэнтин улыбнулась: «Он у нас всегда был такой — ничего о себе не рассказывает».

Ли Чжи взял пульверизатор и вышел во двор полить цветы. Все его растения были живы-здоровы — выходило, Дай Юэжань его не обманула. Он поочерёдно полил их, разрыхлил землю, немного повозился с горшками, а потом взгляд упал на куст «Канарейки». Эта роза цвела куда пышнее и красивее, чем та, что он выращивал в Тинчжоу. Он наскоро

сфотографировал её и отправил снимок Линь Чаошэну, добавив: «Эта больше на розу похожа, да?»

Ответ пришёл ближе к полудню: «Да, больше».

И ещё одно сообщение: «Ты и дома «Канарейку» выращиваешь? Вроде раньше не видел».

Объяснять было долго, и Ли Чжи просто ответил: «Ага».

Линь Чаошэн: «Если вдруг ещё раз соберусь в горы Линьчуань, обязательно своими глазами посмотрю».

... Что, ещё один горшок заводить?хлопотное дело. Ли Чжи на секунду задумался, но всё же ответил: «Договорились».

Вырастить цветок — не такая уж и проблема.

Дядя и Цзян Минцинъ были заняты, и собраться всем вместе за ужином удалось только на второй день праздников. Семья дяди — три человека, семья Цзян Минциня — условно четверо, плюс дедушка Цзян Янь и дедушка Ли Чжи — в общем, большая компания, внешне — полная идиллия.

В основном беседовали старшие да Цзян Янь. Ли Чжи и Дай Юэжань молча уплетали еду, а если к ним обращались — отвечали односложно.

Дедушка Цзян Янь и дедушка Ли Чжи в молодости были сослуживцами, а потом работали в одном военном округе. Они даже пытались свести Цзян Минциня и Дай Мэнтин, но парень был не в духе, девица — не в настроении, ничего не вышло. Кто бы мог подумать, что в итоге всё равно породнятся.

В оставшиеся праздничные дни Цзян Янь появлялся и исчезал как призрак, а Дай Юэжань тоже почти не задерживалась дома. У неё каждый день были планы: встречи с одноклассниками и подругами, походы по кафе и магазинам, кино, а ещё — посещение огромной выставки комиксов, проходившей во время праздников. Она взяла с Ли Чжи слово, что тот никому не проболтается. Дай Юэжань даже звала его на новый отечественный фильм ужасов, но Ли Чжи отказался. Отечественные ужасы... уж лучше дома поспать, чем время на такое тратить.

Ли Чжи встречаться было не с кем. Друзья, с которыми он близко общался в школе, были сейчас один — за границей, другой — в Хайнане, никто не приехал.

От нечего делать он листал новостную ленту и увидел записи Линь Чаошэна о каникулах.

01.10: Поездка на машине к морю за сто километров. Несколько морских пейзажей. Уличный фуд-корт в старом квартале. Несколько фото еды.

02.10: Приморский музыкальный фестиваль. Несколько видео и фото.

03.10: Место неизвестно. Учит ребёнка играть на пианино. Видео.

04.10: Место неизвестно. Чинит прокол в шиномонтажке. Фото.

05.10: С Тао Чэньюем, который не уехал домой на праздники, пошли на цветочный рынок Тиндун за растениями. Несколько глупых фото Тао Чэньюя и фото зелени.

Он ещё прислал кучу свежих фотографий растений, спрашивал, какие неприхотливые, просил совета.

Раньше Ли Чжи привык «путешествовать» по миру через чужие посты и никогда не считал свою жизнь скучной. Но, увидев эту вереницу обновлений от Линь Чаошэна, он понял, что больше не может сидеть в этом дворе, и подумал, что лучше бы уже вернуться в общежитие и взяться за диплом.

— Мама, смотри, «Яичный тарт»! — Цзян Чжао носился по гостиной с пятнистой собакой в сером жилетике.

Дай Мэнтин как раз улыбалась, беседуя с пришедшей в гости подругой. Собачий лай и детский визг действовали ей на нервы. «Иди наверх, к брату поиграй», — бросила она, отмахиваясь.

Дай Юэжань не было дома, играть Цзян Чжао было не с кем, так что он, надувшись, взвалил собаку на руки и поплёлся наверх. Подойдя к двери Ли Чжи, он хлопнул по ней ладошкой и прокричал: «Братик, выходи! Мама сказала — играй со мной!»

В комнате Ли Чжи всё равно делать было нечего, так что он, скрепя сердце, согласился спуститься с Цзян Чжао во двор. Детей он не любил, а вот собаку — пожалуйста. Оба сначала были не в духе, но уже через пару минут Цзян Чжао тащил за поводок пса и заливисто хохотал.

Стоял ясный день, солнце пекло вовсю, на травяном газоне было светло и жарко. Цзян Чжао немного побегал за собакой, вспотел, устал и повалился на траву, протягивая ручонки и ноя, чтобы Ли Чжи отнёс его обратно.

— Ты слишком тяжёлый, иди сам, — безразлично ответил Ли Чжи.

<http://bllate.org/book/15953/1426554>